

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Мне было 17 лет, и он меня бросил. Это он меня бросил! Он сказал: Я здесь, и ты можешь приходить всегда. Так нечестно: много еще других мест, куда мне попасть. А я хотела с ним, и чтоб везде меня окружал, и говорил свои странные мысли.

Подвал мастерской, косое солнце, август, тяжелая прохлада. Я никогда еще не была знакома с художником. Он сильно меня поразил тем, что целый день пишет – сам, никто не заставляет его, и не боится, что выйдет некрасиво или что будут смеяться. С ним я тоже ничего не боялась. Он показывал мне свои картины, столько! Они были везде, он расставлял их, клал на пол, и они светились, как омуты.

Сухой и жаркий воздух. Смушение; тайная корысть. Он был похож на Пана, и еще на древнегреческого жреца. Про Казанову я прочла позже. Я старалась чувствовать так, как написано в книгах, но плыла влажная лесь, и тихо хотелось уйти. Потом роли поменялись.

Сейчас. Я найду его адрес, разыщу телефон, я напишу тем, кто знает его, он известный, они ответят мне, сейчас.

Запах кофе и красок, маленькая плитка, холсты, холсты; вино в лавке напротив – я слышу этот горький запах, мы здесь, навсегда.

Я наберу номер. Узнаю голос. Он удивится. Я долго буду что-то объяснять, путаясь от нелепости.

Ладно, не так – он вспомнит мгновенно. А дальше?

– Послушай, помнишь, между нами была... Моя юность, помнишь? Летела – сквозь; смахивала дни, смеялась диким ветром; то вино еще не допито, отдай!

– Это ты?

Где-то есть телефон, какие-то люди между нами, и провал глубиной в 20 лет – все-таки не смерть, мы можем еще увидаться здесь.

Он был случайный. Мог быть любой, был он. Мне жизнь его протянула: смотри!

Такое место есть – там все желания сбываются, я столько раз слышала, с детства.

Оказалось: да! Я пришла – за восхищением: дайте мне восхищения.

Тело? Берите, мне не жалко. Впрочем, не ломайте (пригодится?). Тело – берите, восхищенье – давайте.

Любовь?

У меня долго был подаренный им акварельный набросок – Дон-Кихот.